

Дорогого... жесткое
слово!... прошло все
го два... мая папка.
Мне... пятого приез
да гер... ние, а пок
а я са... икий раз н
с вегато... Как и
шь, что... переход
в наши церк... ты в это

и руки Т...
Сегодня... о
трав... и
нес в... и приня... доб
ть. У... и приня... та
бой в... то

Тем...
что т...
нь... на сто... бо
льш... ст... и погу...
и даже веселье...

СЕРИЯ «ДОЧЕРИ АВРААМА» V

⌘ Беверли Льюис ⌘

В ОТКРОВЕНИИ

2-е издание, исправленное

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2011

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*У радостей земных недолог век —
Они, как сны, крылаты,
И надо ль вечно горевать тебе?
Как ни страшны твои утраты,
О прошлом не стенай
И горестей своих не умножай!*

Томас Перси

Августя Дберсол

‡ П Р О Л О Г ‡

23 ОКТЯБРЯ 1963 ГОДА

С того незабываемого, в багрово-золотистых тонах, прекрасного дня, когда Иона вернулся в Ланкастерский округ, чтобы объяснить в нежной ко мне любви, бесконечной чередой прошли еще шесть дней. Однако всё это время мы с Ионой не имели возможности и словом перемолвиться, даже после такого знаменательного события, как посещение им епископа. Ежечасно волнуясь, я всё же стараюсь справиться со своей тревогой, чтобы не уйти с головой в бессмысленное беспокойство. Мне надо просто переждать это время, пока я точно не узнаю, с какими трудностями предстоит столкнуться моему возлюбленному, а это случится только завтра, после богослужения. Я уже не боюсь этого так, как когда-то страшилась коленопреклоненной исповеди моей сестры Сэйди, поскольку Иона, в отличие от нее, не совершил никакого греха. Единственное его прегрешение заключается в неповиновении жесткому требованию епископа Бонтрагера ни при каких обстоятельствах, как велит наш *Ordnung*^{*}, не оставлять общины, в которой ты был крещен.

Над поблекшим отцовским полем и серебристым прудом кузнеца Пичи бушуют осенние ветры. Их звуки напоминают мне о том, что необходимо сделать до той поры, пока зима не вступит в свои права. В надежде закончить все запланированные мной хозяйственные дела

^{*} Ordnung (нем.) — порядок. — Здесь и далее все примечания принадлежат переводчику.

в срок я, как мне кажется, часто стараюсь обогнать время. Между тем прожорливые мулы, наращивая жирок к предстоящим холодам, уничтожают одну скирду сена за другой, и тут я бываю бессильна вовремя задать им очередную порцию корма.

Мы с Сэйди поговорили о возвращении Ионы, и наш разговор носил весьма откровенный характер, ибо мне, чтобы не умереть от разрыва сердца, надо было с кем-то поделиться своими переживаниями. Теперь Сэйди знает, что я встречалась с Ионой до того, как он посетил епископа Бонтрагера, вернее, должен был его посетить, ведь, по сути, это ему следовало сделать прежде всего. Честно говоря, бывают минуты, когда от мыслей о скорой встрече с Ионой у меня просто кружится голова, — я ведь знаю, что он снова живет в отчем доме в Грасхоперской долине, а это значит, что нас разделяют всего тридцать минут езды.

В ясные дни небо кажется мне отполированным лазуритом. Никогда прежде я не проникалась таким благоговейным трепетом перед устройством пастбищных земель, не защищенных от ветра искусственных водоемов и даже перед причудливыми очертаниями облаков. То, что я, казалось, безвозвратно утратила, вновь возродилось в моей душе, невероятно изумляя меня.

Поистине, редкую ночь в моих горячих грезах мне не является Иона, и на рассвете я с любовью размышляю прежде всего именно о нем. В своем сердце я лелею надежду, что в один прекрасный день, если это будет угодно Богу, я воссоединюсь со своим дорогим возлюбленным.

Однако мне нужно постараться не дать этой вспыхнувшей с новой силой страсти отвлечь меня от материнских забот об Эйбе и Лидии. Видит Бог, что у живущих под одной со мной крышей есть множество причин для столкновений, например *румшпринге** Лидии, кото-

* *Румшпринге* — обряд инициации в традиционном амишском варианте, испытание большим светом; длится с шестнадцати лет на протяжении месяцев и даже лет. В этот период юноши и девушки освобождаются от соблюдения церковных правил и могут вести среди «англишеров» (см. *сноску на с. 14*) соответствующий образ жизни. Независимо от случившегося в период испытания Амишская церковь ожидает таковых обратно для исполнения заповеди водного крещения, приняв которое прошедшие испытание, «информированные» дети принимают Христа и обязываются неукоснительно выполнять все требования Амишской церкви.

рый, несмотря на мое усиливающееся предчувствие беды, до сих пор остается достаточно невинным по сравнению с диким *румшпринге* Сэйди, закончившимся много лет тому назад.

Из писем Джейка к Лидии я знаю, с каким нетерпением он ждет не дожидаясь своего возвращения домой, желая исправить содеянное, как ему кажется, его отцом. При этом я абсолютно уверена, что Петер Маст по-прежнему будет гнуть свою линию. Я уж молчу о том, что этот неминуемый поступок Джейка воспламенит его и без того горячее чувство к Лидии. Мое сердце трепещет при одной мысли о возможном возвращении юноши, ибо это не сулит нам ничего хорошего. Хотя в настоящее время Джейк всё еще живет в штате Огайо, мы с Сэйди мучаемся из-за того, что может случиться, когда он вернется домой и откроется его настоящее имя. По правде говоря, если бы семейство Маст знало, что их младший сын на самом деле ребенок Сэйди, всем стало бы ясно, что брак Джейка и Лидии невозможен ни при каких обстоятельствах.

Что касается Ионы, то я не могу сказать, потребуется от него отказ от занятия столярным ремеслом или нет. Епископ принципиально возражает против любого промысла, позволяющего добывать свой хлеб иным способом, нежели труд на земле: посев и уборка зерновых, заготовка сена, кузнечное ремесло и те занятия, время от времени обращаться к которым амишей заставляет суровая жизненная необходимость. Если Иону принудят пахать землю, результатом будут только душевные муки, ведь он столяр от Бога и, будучи таковым, от души любит мастерить прекрасную мебель. К тому же сколько продлится его испытательный срок, одному Богу известно, если епископ будет на том настаивать... сочтя, что Иона виновен в грехе против Амишской церкви.

Между нами говоря, я боюсь, что некто весьма озабочен тем, чтобы разлучить меня с Ионой. Я молюсь, чтобы этого не случилось, но, увы, с тех пор как несколько недель тому назад я впервые увидела тучу готовящихся к зимовке божьих коровок, предвещающую наступление зимы с ее короткими днями и долгими ночами, меня не покидает отчаяние. Скоро снег, точно шерстяным одеялом, укроет окрестности, и, если я не переборю тревогу, дорога к моему возлюбленному, по всей видимости, превратится в снежный туннель со смутными

очертаниями... Когда в белом мареве я представляю себе лошадь, запряженную в багги*, очами своего сердца я вижу то, что осознавать весьма неприятно, а именно свое заточение. Даже если я очень постараюсь, то найду ли я путь к своему возлюбленному?

* Коляска на конной тяге — традиционный вид транспорта амишей, нечто среднее между фургоном и каретой.

В старом обшитом неотесанными досками фермерском доме неожиданно похолодало. Положение было не из приятных, так что Ионе пришлось немедленно принимать меры. Подбросив в печку сухих дров и закрыв заслонку, он сел на корточки перед очагом и стал ждать, когда взметнутся языки пламени. Дело в том, что на рассвете произошло резкое падение температуры до тридцати градусов*, к тому же поднялся ветер. Стареющая мать Ионы и его младшая сестра, Мэнди, двойняшка Джейка, были мерзлячками, то есть особенно чувствительными к холоду.

Проснувшись, когда было еще темно, Иона наслаждался не просто тишиной раннего утра, но и... сознанием нового долга. Это чувство обострилось у него после переезда домой из Эппл-Крик, штат Огайо. Ему хватило двух дней, чтобы попрощаться с давними друзьями из тамошней общины, упаковать вещи и передать невыполненные заказы на изготовление нескольких предметов мебели одному опытному столяру и его доброму другу. Отец разрешил Ионе жить дома, в Грасхоперской долине, и работать рядом с ним до тех пор, пока тот не надумает обзавестись собственной семьей.

При этом Петер Маст совершенно недвусмысленно объяснил Ионе свое видение щекотливой темы его бракосочетания с дочерью

*Тридцать градусов по шкале Фаренгейта соответствуют одному градусу ниже нуля по шкале Цельсия.

Авраама Эберсола. Что касается Ионы, которому исполнилось тридцать шесть лет, то отцу, увы, ничего не оставалось, кроме как наблюдать неотвратимое. Иона стал размышлять о том, как тяжело, по всей видимости, будет отцу принять в качестве невестки Авраамову Лию. Ах, как бы он не исключил их из круга семейного общения! А что будет с детьми, если Бог дарует их ему и Лии? Узнают ли они когда-нибудь бабушку и дедушку Маст?

Как ни тяжело было Ионе в такой ситуации представлять себе свое будущее, он был твердо намерен создать семью, женившись на Лии Эберсол. Когда же не приемлющий этого плана отец своей позицией начинал сверх меры досаждать Ионе, тот просто напоминал себе о том, что все эти годы Господь в чистоте и невинности хранил для него Лию.

Пока же Ионе своей готовностью находиться под надзором амишской общины следовало убедить епископа Бонтрагера в том, что после исповеди на сегодняшнем богослужении он не станет и помышлять о встречах с Лией. Епископ, как понимал Иона, хотел держать их с Лией на порядочном расстоянии друг от друга.

«Тебе нечего и думать о том, что ты займешься здесь чем-то иным, кроме работы на земле... — увещевал Иону при первой же встрече старец. — Тому, кто не желает заниматься фермерским трудом, в наших краях делать нечего!»

Ничего подобного в штате Огайо Иона не встречал — там множество амишей добывали свой хлеб, например, производством и продажей мебели. Интересно, думал Иона, с какой это стати епископ Бонтрагер неизменно противится его желанию работать столяром? Уж не потому ли, что он мастерит изящную, с декоративными элементами мебель с помощью токарного станка, да к тому же для *англишеров**? Епископу, по всей видимости, хотелось выбить из Иониной головы саму мысль о подобных занятиях, хотя братья-служители из штата Огайо куда более трезво смотрели на это дело.

Ланкастерский церковный округ в качестве родового гнезда всех американских амишей пытался, что называется, держать марку, оставаясь, безусловно, наиболее традиционным, консервативным из всех

* От нем. *englisch* — английский. Англишерами пенсильванские амиши называют всех североамериканцев не из числа амишей.

округов. Как бы там ни было, Иона всё же надеялся в будущем изготавливать мебель, если не на продажу, то хотя бы для собственного пользования.

Поспешив в дровяной сарай, он с радостью подумал о том, что с раннего утра Дня Господня помогает своей семье. Он приложит все силы, чтобы епископ передумал и разрешил ему сделать основным источником своего существования столярное ремесло. Но прежде ему предстоит пройти испытательный срок. Иона — столяр по призванию, по сердечной склонности, но в сложившейся ситуации он готов зарабатывать свой хлеб фермерским трудом. Он согласен даже на случайные заработки, пока его не восстановят в правах члена местной амишской общины.

Не успел Иона войти в сарай, как заметил проشمыгнувшую под поленницу крысу. Наклонившись за охапкой сухих дров, он про себя отметил, какой жирной была эта тварь. *«Да, зима, видать, обещает быть суровой...»* — подумал он.

На выгоне для коров он обратил внимание на кое-где попадающиеся заросли ласточника с треснувшими толстостенными плодами, из которых выглядывали сотни пушистых семян с шелковистыми волосками белого цвета, — верный признак того, что свадебный сезон не за горами.

Стремительно шагая по той земле, которую он топтал еще мальчишкой, Иона вспоминал свое детство. Со своими младшими братьями, особенно с Илией и Исааком, он частенько останавливался посчитать снабженные парашютиками и словно парящие над полем семена ласточника. Двухъярусный амбар и дом в центре яблоневого сада казались ему такими же, какими их сохранила его память, только плодовые деревья немного подросли. Однако что всё здесь остается таким же, каким было прежде, могло показаться лишь на первый взгляд, поскольку на самом деле... здесь изменилось всё.

«Да уж, есть что обсудить с родичами...»

Ионе хотелось поближе сойтись со своими семью женатыми братьями и замужними сестрами, а также с их супругами и детьми. Не хотелось ему терять связи и с Джейком, на пару с другим подмастерьем работавшим в штате Огайо у того мастера, что принял от Ионы его невыполненные заказы на изготовление мебели.

Знакомство с Джейком, каким бы коротким оно ни было, доставило Ионе истинное удовольствие, и теперь, оказавшись дома, он радовался общению с его, Джейка, двойняшкой Мэнди, уже достигшей возраста амишского совершеннолетия.

Пока Иона думал о Мэнди, она вышла во двор. Юная девушка со струящимися до талии золотистыми волосами показалась ему простоволосой, не потрудившейся причесаться перед дойкой. Он, раньше никогда не видевший в «неприбранном виде» амишской женщины, вдруг подумал о том, как выглядели бы в распущенном виде прекрасные темные и густые волосы Лии, которые она всегда собирала в пучок. Иона прогнал эти неуместные мысли, решив, что некоторое время не должен думать о красоте своей будущей супруги — до тех пор, пока не станет ее мужем...

С охапкой дров в руках Иона насмешливо бросил через плечо:
— Доброе утро, Мэнди! Ты, случайно, не забыла причесаться?

Повернув к нему голову с водопадом волос, Мэнди ответила ему тихой улыбкой.

Когда Иона, несколько озадаченный обликом младшей сестры, уже подходил к задней двери дома, за ним по пятам увязалась отцовская собака, решившая, похоже, проводить его до порога.

— Хочешь, чтобы я поприветствовал и тебя? Так что ли, дружище?

Он складывал дрова за дверью веранды, а сам всё думал о собаке, дожидавшейся его снаружи. Когда дело было сделано, Иона вышел на улицу и, усевшись на приступок, потрепал шею и бока золотисторыжего пойнтера.

— Ну, как твои дела, старик? — спросил Иона и стал размышлять о ближайшем богослужении, которое должно было состояться неподалеку от Эберсолов, в большом доме кузнеца Пичи. Последние годы в нем жили его зять с дочерью — Иосиф и Дорка Цоок — и их сыновья. Занимались они фермерством, а заодно заботились о Смитти и Мариам.

При мысли о смешном Иосифе Цооке, а попросту говоря — Томатном Джо, в роли супруга очень и очень серьезной младшей дочери кузнеца Пичи, Дорки, Иона улыбнулся. Он хорошо помнил, как в юные годы они вместе с соседями и друзьями строили амбары, в которых складировали кукурузные початки. Не забыл он и

любви Джо к помидорам — прежде чем женщины успевали их хотя бы помыть и порезать, он умудрялся поглотить их целый ящик. К тому же в отрочестве и юности Иосиф помогал отцу выращивать плантации помидоров, вот почему, вне всякого сомнения, его прозвали Томатным Джо. Сам епископ Индюшиного холма, говоря о месте проведения сегодняшнего богослужения, назвал его домом Томатного Джо. Иона снова и снова вспоминал, сколько воды утекло с тех пор, как он оставил отчий дом, и в какой дали от Лии всё это время жил.

От Томатного Джо мысли Ионы перескочили к годам, проведенным в штате Огайо. Он перебрал в памяти прозвища молодых людей из тамошней общины, из которых больше других ему нравилось прозвище Дэна — Кубышка. Оно вернуло Иону к чудесному воскресному завтраку, который приготовила ему мать, и, погладив напоследок собаку по животу, он отправился домой.

Но когда подошло время занять место за столом и отведать то восхитительное кушанье, что приготовила Фанни, Иона вдруг ощутил потребность в посте и молитве. Это наложило столь сильный отпечаток на его мысли, что он решил, пока другие завтракают, помолиться так, как он молился во время традиционного поста за день до исполнения обряда хлебопреломления, совершенного здесь неделю назад. Осознавая всё значение сегодняшнего дня, Иона отправился в свою комнату, где возле кресла встал на колени и приступил к молитве: *«Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня»**.

Лия заняла место на той же простой деревянной скамье, на которой в благоговейном ожидании начала собрания уже сидели, положив ладони на колени, Сэйди, Лидия и тетя Лиззи. Перед тем босыми ногами Лия тихо прошла по деревянному полу и вдруг подумала, что скоро выпадет первый снег и ей придется надеть башмаки.

* См.: Пс. 50:12.

Сегодня пропоют несколько гимнов из «Ausbund»*, в том числе «Lob Lied»** , всегда исполняемый вторым по порядку. Затем прозвучит проповедь с последующей тихой коленопреклоненной молитвой всех собравшихся. Основная проповедь, посвященная, несомненно, библейской заповеди крещения, а также почитанию родителей, вероятнее всего, будет прочитана самим епископом Бонтрагером.

«Что потребует от Ионы после его исповеди епископ Бонтрагер?»

Сегодня среди ночи Лия проснулась от кошмарных снов, и теперь, сидя в окружении родных и близких, она думала о том, как выдержит Иона предстоящее ему испытание.

Взгляд Лии упал на лучшую подругу, Аду Пичи-Эберсол, а теперь, после ее бракосочетания с Самуилом Эберсолом, и кузину. Далее она перевела взгляд на свою любимую младшую сестру, Анну, с ее тремя дочерьми школьного возраста: Иду-Мэй, Кэти-Энн и Мими. Вот они сидят с прямыми спинами, словно застыли, как раз перед Лией. Теперь ее внимание привлекла Мими, в прекрасном характере которой ныне не было и намека на тот капризный нрав, который она, рождая у Анны невероятные душевные переживания, выказывала поначалу. Те времена канули в прошлое, и Лия время от времени размышляла о том, какой характер будет у младенца, появление которого в семействе Геда и Анны ожидалось по весне.

Задумавшись о детях, Лия не могла не обратить внимания на то, как необыкновенно много малышей было сегодня на собрании. *«Ах, появится ли у меня, когда я стану женой Ионы... свой малыш?»* — задалась мучительным вопросом Лия.

В этот миг со своего места поднялся старик Ионафан Лапп и слабым надтреснутым голосом запел первый гимн. Весь народ запел ему в унисон, наполняя фермерский дом потоками звуков. Радуюсь возможности влить в песнопение и свой голос, Лия в молитве попросила

* «Ausbund» (Ausbund (нем.) — образец, высшая степень чего-л.) — сборник церковных гимнов, составленный во времена анабаптистских мучеников (XVI в.) в Швейцарии.

** «Lob Lied» (нем.) — «Хвалебный гимн».

Бога не оставлять Иону и заботиться о нем на протяжении всего важнейшего для него собрания.

Иона не сомневался в том, что среди собравшихся в передних поках дома Томатного Джо находится Лия, поскольку присутствовать на богослужении обязаны все члены общины, обладающие правом голоса. Кроме того, он видел ее на свежем воздухе, когда рядом с тетей Лиззи и Лидией она стояла среди других женщин в ожидании епископа и проповедников. О, каким восторгом всякий раз наполнялось его сердце, когда встречались, пусть даже на миг, их глаза! Когда Лия была так близко — то есть в одном с ним помещении, — Ионе казалось, что во всём мире больше никого нет. Только ее прекрасное лицо, ее блестящие глаза, прядь волос, выбившаяся из-под молитвенного чепчика* ...

Однако сейчас ему следовало отогнать от себя мысли о Лии, хотя она была единственным поводом для того, чтобы он сегодня оказался здесь, в этом доме. Ионе казалось немного странным, что он присутствует на богослужении не в Эппл-Крик, как это было в последние годы, рядом со старыми друзьями, благородным обществом которых он всегда наслаждался, когда жил в округе Уэйн. Но в Индюшином холме живет его Лия, и потому он здесь, в ее общине. Ионе не верилось, что всего лишь на прошлой неделе он в спешном порядке приобрел билет на поезд и вернулся домой, как только убедился из письма к нему Авраама Эберсола в том, что его Лия все эти долгие годы оставалась *maidel***, то есть никогда ни за кого не выходила замуж. В сердце Ионы не было места для другой любви, вот почему он сидел теперь в ожидании мгновения, когда ему кивнет епископ Бонтрагер, чтобы представить его членам общины.

Когда дьякон приступил к чтению из Священного Писания, в животе у Ионы заурчало, ведь он сегодня не завтракал, но всё равно он был рад тому, что принял решение соблюдать пост и посвятил свое время молитве. Он снова с благоговением предался течению этого

* Головной убор белого или черного цвета, прикрывающий затылок и завязывающийся тесемочками под подбородком.

** Диал. от устар. *Maid* (нем.) — дева, девушка.

собрания, как предал он свое и Лиино будущее во власть всемогущего Бога.

Наконец перед собравшимися предстал Лиин зять, пастор Геден Пичи. Иона принялся с интересом наблюдать за поведением человека, имя которого по недоразумению он все минувшие годы связывал с именем Лии. У этого сильного мужчины с крепким телосложением, женившегося не на Авраамовой Лии, а на робкой Анне, был неустрашимый, твердый взгляд. По воле судьбы этот относительно молодой человек стал пастором в Индюшином холме!

Медленно, капля за каплей, Иона впитывал всё, что было упущено им за время его долгого отсутствия в родных краях. В этот прекрасный осенний день он с интересом подмечал одну деталь за другой в отношении людей и событий, но куда более важным делом казалось ему в кротости предстать перед Богом и церковью.

Вид Ионы, стоящего на коленях перед епископом, возбудил в Лиинной душе совершенно неожиданное чувство, и она никак не могла проглотить застрявший в горле ком. Согнувшийся в три погибели, исповедующийся в неповиновении *Ordnung* — преступлении, которое едва ли можно назвать таковым, — ее возлюбленный выглядел ужасно жалким. Библейского описания чего-то похожего Лия никогда не встречала, но она знала, что «скромные люди» почитают повиновение *Ordnung* равным повиновению Богу, причем согласия по этому вопросу они достигают на совете общины не реже одного раза в год. Услышав тихий голос Ионы, исповедующегося в том, что некогда он оставил общину, в которой исполнил святую заповедь крещения, Лия не могла сдержать слез.

Когда Сэйди накрыла ладонью руку Лии, безмолвные слезы у той потекли в два ручья. Вот он, ее старинный друг, которого она горячо, всем сердцем любит. Теперь он просит прощения у всего собрания. Он вернулся ради нее, вернулся ради любви, которую многие годы хранил в своем сердце... вернулся ради надежды, что когда-нибудь, в один прекрасный день, возьмет ее себе в жены. Бессмертная любовь была единственным основанием его, Ионы, искреннего, проистекающего из самой глубины сердца покаяния.

Разумеется, Аврааму было интересно, как на собрании членов общины Индюшиного холма решится вопрос с Ионой, но он никак

не ожидал, что епископ заговорит о шестимесячном испытательном сроке и о том, что действительным членом общины Иона сможет стать лишь после успешного его прохождения. Это условие, насколько мог судить Авраам, было абсолютно неоправданным. Пусть испытательный срок Ионы был не длиннее, чем у Сэйди, но Сэйди свой испытательный срок получила по заслугам. По сути, неповиновение Ионы Маста было противно не Божьему закону, а прихоти одного человека. И это при том, что отзывы об Ионе, пришедшие из штата Огайо, были исключительно хвалебными. Здесь, в Индюшином холме, народ понимал, почему молодой Иона остался в штате Огайо: с получением соответствующего известия он не мог не предположить, что Лия вышла замуж за другого человека. Любой честный амиш на его месте, наверное, поступил бы точно так же, однако не пристало Аврааму спорить с епископом, Божьим помазанником. Размышляя об этом, Авраам ощутил нарастающее негодование, хотя так называемый Ионин вопрос во многом возник благодаря его, Авраама Эберсола, коварству.

Задумавшись о своей вине в судьбе Ионы, Авраам глубоко вздохнул. Он давно — еще со времен выяснения епископом духовного состояния Иды — не говорил с Божьим служителем с глазу на глаз. А после того случая много чего произошло: Авраам покался в своем грехе, а впоследствии сблизился со своим зятем, пастором Гедом. Неужели епископ Бонтрагер решил ему отомстить, наказав Иону лишь за то, что тот вернулся, чтобы жениться на его дочери Лии?

Епископ недвусмысленно дал понять, что он ни в коем случае не разрешит Ионе добывать свой хлеб столярным ремеслом, и при этом добавил:

— И мнение наших братьев мне не указ. — Возложив руки на плечи Ионы, он воззвал: — Обратись от мирских занятий, Иона.

Став свидетелем подобной нетерпимости и фанатизма, Авраам едва не лишился необходимого присутствия духа. Весь испытательный срок Ионе предстояло кормиться, подобно всем собравшимся, от земли, хотя работа в кузнице или шорной мастерской ему тоже не возбранялась. Членам общины еще предстояло проголосовать за это решение, но Авраам был совершенно уверен в том, что никто не воспротивится воле епископа Бонтрагера.

Епископ же тем временем продолжал:

— Проследить за исполнением этого важного решения, касающегося служения Богу и человеку, я поручаю пастору Пичи.

С этими словами он кивнул на Геда.

«Ведь это же надо! И как могла прийти ему в голову такая мысль? Ясное дело, он просто не потрудился основательно всё продумать». Но как бы там ни было, епископ потребовал к себе верного своим убеждениям пастора. У Геда вмиг вспыхнуло краской лицо.

Дрожь охватила Лию, мороз пробежал по ее коже, но она сидела прямая, точно жердь, когда епископ Бонтрагер возвысил свой голос:

— Близость к природе, почве — к доброй земле — помогает нам созерцать нашего невидимого Господа Бога, Небесного Отца, так что нет лучшего способа быть ближе к Творцу неба и земли, нежели возделывать землю и пожинать ее обильные плоды.

Епископ, несомненно, не окажет уважения стремлению Ионы столярничать, так что смиренное согласие Лииноного возлюбленного с решением епископа зароет в землю его, Ионы, благодатный дар. Лия была бессильна остановить творящийся прямо у нее на глазах производ. Едва дышащей, застывшей с неестественно прямой спиной Лии надо было потихоньку выровнять дыхание. *«Какой ужас! Разве можно Ионе идти на это ради меня?..»*

Ах, быть бы ей посмелей, как мама и тетя Лиззи, и поговорить об этом с братьями-служителями!

На следующее утро Сэйди вышла во двор развесить на веревке выстиранное белье. Прикрепляя прищепками к бельевой веревке свое платье, она решила, что епископ не хочет прислушаться к голо-су разума. Она вспомнила о вчерашнем богослужении и подумала о том разочаровании, которое испытал Иона, ожидавший от епископа братской поддержки, но так и не получивший ее. В его глазах она видела сияние надежды — его видели все собравшиеся. А каков был итог собрания? Вместо помощи — испытательный срок и условие не жениться в ближайший свадебный сезон. Теперь Иона не сможет

жениться по крайней мере до тех пор, пока не станет членом общины Индюшиного холма.

«Вряд ли это решение справедливо», — подумала Сэйди, но жизнь научила ее не выражать своих сомнений относительно действий нынешнего епископа: лучше молчи да делай, что тебе говорят.

Она заставила себя продолжать работу — развешивать влажное белье в установленном ею порядке: сначала отцовские брюки, затем брюки Эйба, затем мужские рубашки, женские платья, передники. Каждую вещь она размещала на веревках, подобно фрагментам квилта* с его соотносимыми по тону и рисунку красочными лоскутами, которые она в последнее время вырезала с великим тщанием, чтобы вместе со своими сестрами составить к зиме еще один великолепный квилт.

Ближе к полудню, купив в универмаге Фишера материю и другую необходимую для рукоделия всякую всячину, вернулась из поездки в Джорджтаун тетя Лиззи. Лицо ее почему-то было багровым. Когда Сэйди ее об этом спросила, тетушка показала ей большой палец правой руки с такой ужасной гематомой, каких Сэйди еще не видела.

— Бога ради, *Aendy**, что с тобой? — воскликнула Сэйди.

— Прищемила дверью, когда выходила из машины, — ответила она. — Ехали назад с Мариам Пичи и ее Адой, вот и решили взять напрокат машину с шофером-меннонитом.

— А ну-ка дай посмотреть! — Сэйди быстро подвела тетю Лиззи к раковине и осторожно ополоснула рану струей воды.

— Авраам, когда увидит, не обрадуется... — покачала головой тетя Лиззи. — И поделом: в машину садись только в крайнем случае.

— Отцу будет всё равно, на чем ты приехала, — заверила ее Сэйди. — Сам сколько раз нанимал шофера для дальней поездки.

* Квилт — лоскутное одеяло; составление квилтов (квилтинг) — традиционное занятие амишских женщин.

** Диал. от англ. *aunt*y — тетушка.

— Никогда нельзя терять бдительности... — пробормотала тетя Лиззи, вероятно, имея при этом в виду, что ей не надо было торопиться, а торопиться, так будь осторожней. Взглянув на изувеченный палец, она попыталась им подвигать, но вздрогнула от боли.

— Боюсь, уж не сломала ли я его...

— Подержи-ка его в холодной воде, — предложила Сэйди, — а я схожу за отцом.

— Нет, не надо его беспокоить. Всё обойдется.

— Но, тетя Лиззи...

— Я кому сказала! Перевяжу палец мокрой тряпочкой да немного полежу.

Сэйди опять попыталась убедить тетю разрешить ей сходить за отцом, но та была непреклонна. Окинув Сэйди острым решительным взглядом, она поспешила к лестнице, всё еще сожалея о поездке в машине меннонитов: *«Ах, к тому же она так быстро ехала!»*

Чтобы убедиться в том, что тетя Лиззи благополучно добралась до спальни, Сэйди незаметно последовала за ней и прислушалась к доносящимся из комнаты звукам. Она прекрасно знала, что при переломе костей некоторые люди из-за боли лишаются чувств, причем более склонны к этому именно женщины.

Когда под весом утомленной тети Лиззи чуть скрипнула кровать — этот звук был явственно различим, — Сэйди вернулась в передние покои и начала вытирать с мебели пыль. Ах, как хорошо, что Лия ушла помочь Анне с генеральной уборкой! Ей необходимо было хоть немного отвлечься от мыслей о том, что Ионе не удалось сразу восстановить свое прежнее положение в общине.

Сэйди попыталась представить, какие чувства испытывает теперь Лия. Почти вся община Индюшиного холма находилась в блаженном неведении по поводу того, почему Иона вернулся домой после стольких лет изгнания. В ближайшем будущем его намерение жениться на девушке, которую, Сэйди знала это наверняка, он с детства любил, ни для кого не будет секретом, ведь в глазах Ионы и Лии каждый сможет увидеть сияние взаимной любви. Как жаль, что их бракосочетание не состоится уже в этом году! Иону восстановят в правах только будущей весной, с окончанием испытательного срока... и только при условии, что к тому времени епископ захочет протянуть ему руку дружбы.

Выйдя в переднюю дверь вытрясти кружевные салфетки, Сэйди облегченно вздохнула, когда подумала о том, что ее собственный испытательный срок уже позади. Вот почему на прошлой неделе Лия заговорила с ней об одном тридцативосьмилетнем брате из числа тех, кто приехал сюда из штата Огайо по программе обмена. Крепко сбитого рыжеволосого мужчину звали Илия Йодер, и Лия, по всей видимости, была убеждена в том, что именно он может заинтересовать Сэйди. При этом сама Сэйди невольно спрашивала себя, кому захочется взять ее в жены, ведь она не родила ни одного живого ребенка, не считая, конечно, Джейка.

Она ни разу не позволила себе заглянуть в нежно-голубые глаза Илии, хотя украдкой следила за ним. Время от времени за хлопотами по дому — стиркой, заготовкой консервов и штопкой — она ловила себя на том, что благодаря кротким увещаниям Лии мечтает о встрече с Илией, чтобы узнать его поближе.

По прибытии в Индюшиный холм Илия арендовал небольшой фермерский дом на расстоянии в милю-полторы от дома Эберсолов и добывал свой хлеб, обрабатывая землю и собирая урожай, а также помогая другим фермерам на разных работах, как это, впрочем, делали и остальные приехавшие с ним из штата Огайо добрые парни. Все как на подбор молодые красавцы, они помогали фермерам Индюшиного холма и сопредельных округов собирать урожай и закладывать силос. Все вновь прибывшие благополучно приспособились к новым условиям, в частности вошли в семейства и зажили в домах, указанных им в качестве места жительства в настоящее время.

Уже через пару-другую недель после летней страды некоторые из женщин стали поговаривать на посиделках, причем в присутствии Сэйди, что Илия Йодер как пить дать может стать прекрасной партией для такой милой девушки, как Элино-Джейн Пичи. Одна из племянниц Смитти, Элино, а попросту Элла, в свои тридцать пять засиделась в девках. От подобных разговоров, передающихся от амиша к амишу, Сэйди мороз по коже пробирал — вовсе не так сходились молодые в скорую на нежные чувства пору ее жизни. Тем не менее Сэйди чувствовала, что, даруй ей Бог нового мужа, она будет чрезвычайно Ему за это благодарна, и пусть кумушки болтают себе

что хотят. Новому мужу она стала бы такой же доброй и преданной женой, какой всегда была своему возлюбленному Гарвею.

Конечно, Сэйди не хотела повторного брака лишь затем, чтобы смягчить горе, вызванное смертью первого мужа, хотя и до сей поры она тосковала по нему. Это было бы не только нечестно, но и несправедливо по отношению к Илии, вот почему ей следовало остерегаться простых решений и пестовать в своем сердце чистые помыслы.

Сэйди тяжело вздохнула. Хотя ее любопытство к Илии не было лишено симпатии, его, это любопытство, никак нельзя было назвать родственным тому чувству, которое теперь, когда Иона вернулся домой, испытывала к своему возлюбленному Лия. Сэйди не была такой кроткой и терпеливой, как ее младшая сестра, тем не менее было бы изрядным преувеличением сказать, что ей не терпится оказаться в гуще новых эмоций и чувств.

В последние дни она сильно нервничала: починку одежды, чем она заставила себя регулярно заниматься, ей следовало сочетать с обычными хлопотами по дому. Чтобы немного отдохнуть от этих забот, Сэйди прошла мимо конюшни на скотный двор, исподволь обратив внимание на протоптанную животными узкую тропку, ведущую от амбара прочь со двора. В душевном томлении она начала мечтать о том, что ход ее жизни даже отдаленно не будет напоминать житейскую колею.

Бесспорно, Сэйди была уверена в том, что ей предначертано большее, чем ее нынешнее прозябание. И хотя она думала, что сможет сама себе помочь, умоляя любящего Господа о ниспослании ей доброго супруга, она понимала, что у нее нет иного пути, кроме как на своем примере являть добродетель подлинного смирения, хотя, честно говоря, в жизни именно это получалось у нее хуже всего.

Ее склонность к импульсивным поступкам теперь выражалась в страстном желании лучше узнать своего сына. Ей снова хотелось свидеться с Джейком, хотя она прекрасно понимала, что надежды на это у нее очень мало. Но даже если бы эта предполагаемая встреча и состоялась, она досталась бы ей ценой определенного ущерба для Лидии, которая по-прежнему сходила с ума по своему возлюбленному и, как видно, жила одним ожиданием писем от Джейка.

Вынув из кармана заветный платочек с вышитой бабочкой, свою единственную «связь» с Джейком, Сэйди залюбовалась неповторимым мастерством вышивки. С тех пор как это сокровище, благодаря Лии, отыскало свою хозяйку, Сэйди всегда держала его при себе.

Тут она снова задумалась о Джейке. Если бы он знал, сколь тесными, кровными узами связан он с Лидией, разве не содрогнулся бы он при одной мысли о свиданиях с ней?

«Их отношения изначально обречены», — снова и снова думала Сэйди, испытывая ужас от той ответственности, что отныне легла на ее хрупкие плечи.

⌘ О Г Л А В Л Е Н И Е ⌘

Предисловие к русскому изданию	5
ЧАСТЬ I	7
Пролог	9
Глава первая	13
Глава вторая	21
Глава третья	29
Глава четвертая	39
Глава пятая	46
Глава шестая	55
Глава седьмая	65
Глава восьмая	70
Глава девятая	78
Глава десятая	85
Глава одиннадцатая	93
Глава двенадцатая	103
Глава тринадцатая	110
Глава четырнадцатая	116
Глава пятнадцатая	121
Глава шестнадцатая	130
Глава семнадцатая	136
Глава восемнадцатая	144
Глава девятнадцатая	153

ЧАСТЬ II	163
Глава двадцатая	165
Глава двадцать первая	172
Глава двадцать вторая	184
Глава двадцать третья.....	190
Глава двадцать четвертая	198
Глава двадцать пятая	206
Глава двадцать шестая.....	214
Глава двадцать седьмая.....	220
Глава двадцать восьмая.....	227
Глава двадцать девятая	235
Глава тридцатая	244
Глава тридцать первая.....	252
Глава тридцать вторая.....	259
Глава тридцать третья	267
Глава тридцать четвертая.....	276
Глава тридцать пятая	283
Глава тридцать шестая	294
Глава тридцать седьмая.....	307
Глава тридцать восьмая	312
Глава тридцать девятая	317
Эпилог.....	326
Благодарность	331

